

ДЕВИАЦИИ
(ПРОЗА)

Найк
Нейман

Л. с детства любила азартные игры. Даже не помнила, как это началось, когда она первый раз сыграла в покер. Ей никогда не было понятно, кто она, но было точное предчувствие, что с ней станет после смерти и кем была в прошлой жизни. В школьных коридорах она обыкновенно ощущала себя как на Голгофе: каждый был готов распять. «Я — твоя смерть», — крутилось в голове у маленькой восьмилетней Л., когда очередной обитатель этого концлагеря смеялся над ней. В отрочестве Л. услышала Бэланса и Кристофферсона и впервые столь явно соприкоснулась с пограничным сознанием. В зеркальном отражении она видела, что явно отличается от других.

Л. обожала песню «Мой Лизочек так уж мал», могла распевать ее часами. «Кто же такой этот таинственный Лизочек, почему у него такое имя? А может он как я?» — размышляла она. «Мне хотелось, чтобы у меня нашли туберкулез, это в детстве, а в юности — чтобы ВИЧ». В двадцать у нее нашли кое-что другое. Она была официально признана интерсексом, у нее отсутствовала одна X-хромосома.

Ощущая себя человеком третьего пола, Л. хотела сниматься у Альмодовара, а вместо этого ощущала себя в третьем измерении, стоя между батареей и балконной дверью в своей стране третьего мира. Общество не принимало ее, да и кому были нужны такие девиантненькие экземпляры. Л. обладала и иными забавными особенностями, помимо генетических. На все события катастрофического характера реагировала трагикомическим хохотом, сартровскими шуточками, наркотическим пленом и бесцельным перемещением по пространству. Забавный способ самозащиты, как считала она.

— Да ты же изрядно пьяна!

— Но я, помимо всего прочего, и изрядно трезва. Да и вообще, стакан наполовину Пруст, наполовину Поллок.

В детстве L. любила вставлять слова «гносеологический» и «синкретизм». Ну, знаете, шла, бывало, по улице, видела знакомого и начинала кричать: «Эй, гносеологический!» А он и обижался. Но она ведь комплимент хотела сделать таким образом.

L. обожала разглядывать свой странный скелет в зеркале. Она, конечно же, очень любила человеческие кости, щедро обтянутые кожей, но такие, чтобы сохраняли при этом волю к жизни и желательно к чему-нибудь еще. Вообще, считала человеческие кости, в меру хорошо проглядываемые, очень эротическим явлением.

L. разговаривала разными голосами. На вопрос, как так происходит, отвечала нечто вроде: «У меня много разных голосов. Вы с каким связаться хотите? Есть голоса внешние, а есть внутренние, за которые мне периодически нечем платить».

L. быстро посадила зрение и видела все в несколько импрессионистском фокусе. А поскольку Моне и его сотоварищи не то чтобы безумно ей нравились, а вернее сказать еще в отрочестве ей надоели, то ее это откровенно раздражало, но словно бы приближало к какому-то абсолюту. L. поверила в реинкарнацию больше, чем в медицину, и на это у нее были все основания. Она ощущала, что вся эта ситуация становится предметом искусства. Ее жизнь всегда была бесконечным перформансом, с момента появления на свет. Давай будем говорить о вечном, и это продлится как можно дольше. Юмор есть и в самом страдании. Это очень романтично и немного смертельно. Тяжело в мучении, легко в раю.